

Глава 14: Неоднозначность
Спелые вишни, рубиновые и сочные, словно надутые краской, сияли на солнце. Капли воды, оставшиеся после дождя, играли на их гладкой поверхности, создавая иллюзию нежной шелковистости. Рен Шухан, нежно укусив вишню, почувствовал сладкий сок, струящийся по губам. Мягкая мякоть таила в себе нежную силу, а кончик языка словно танцевал в нежном соке, проникая в самые тайные уголки вкуса. — Ах... Молодой господин, — выдохнул Цзян Цинъюэ, слегка покачиваясь, глаза его закрылись от наслаждения. Рен Шухан, как хищник, наблюдал за своей добычей. — Не слишком тороплюсь? — его голос был мягким, но в нем слышалась нескрываемая власть. — Но ты же не можешь останавливаться на полпути во время съемок. — Мне жаль, — прошептал Цзян Цинъюэ, беспомощно покачивая головой. Рен Шухан, нежно взяв его за подбородок, заставил поднять голову. — Не извиняйся, — он потер кончиком носа о его нос, — Ты справился отлично. Будь хорошим мальчиком и сделай это еще раз. От этих слов щеки Цзян Цинъюэ запылали. Он с трудом разжал губы, укусив вишню с таким же нежным напором, как и раньше. Язык крепко держал мякоть фрукта, не давая ей вырваться из плена, а губы нежно сосали, вытягивая последние капли сока. Двое, словно зависимые друг от друга, долго ели у лестницы. Цзян Цинъюэ устал, тело его бессознательно сползло вниз, опираясь локтями о верхние ступеньки. Рен Шухан был почти на нем, левая рука поддерживала его талию, чтобы он не упал, а правая рука нежно прижимала его к себе. — Нет, ну... не надо... — впервые Цзян Цинъюэ высказал свое несогласие молодому господину. Он боялся, что если продолжит есть, то покажет себя с неприглядной стороны. — Молодой господин, не надо... эээ... Последний кусочек вишни пришлось съесть Рен Шухану. Он пальцем вытер сок с губ Цзян Цинъюэ и положил его себе в рот. — Так сладко. Цзян Цинъюэ смотрел на движения Рен Шухана, его глаза были ошарашены, прежде чем он отреагировал на слова и действия молодого господина. Он яростно закрыл нижнюю половину лица рукой, сжав колени и прижав их близко друг к другу. Рен Шухан просунул руки ему под мышки, встал и поднял его, как кошку. — ? — прошептал Цзян Цинъюэ. Рен Шухан поставил его на первую ступеньку, встал так, чтобы Цзян Цинъюэ мог посмотреть на себя со стороны, и серьезно спросил: — Ты уверен, что не хочешь этого? Цзян Цинъюэ немного замешкался, а потом расслабился. — Тогда еще раз... Хорошо! Когда все закончилось, Цзян Цинъюэ был совершенно измотан. Его щеки покраснели, и он оказался в объятиях Рен Шухана, который нежно теребил волосы на его шее. — Молодой господин... — он задыхался, выглядя очень жалко, — Все в порядке? Рен Шухан потрепал его по длинным волосам и сказал приглушенным голосом: — Почему ты такой сладкий и ароматный? Ты пользуешься духами? — Нет, — Цзян Цинъюэ с трудом поднял сведенную судорогой руку, чтобы погладить затылок молодого господина, и тихо прошептал, — Я пользуюсь тем же шампунем, что и молодой господин. Рен Шухан отпустил его и дважды провел большим пальцем по губам. — Ты ведь не будешь в будущем работать в индустрии развлечений? Цзян Цинъюэ замер. — У меня нет таких планов. Рен Шухан удовлетворенно кивнул. — Больше ни с кем не тренируйся, хорошо? — ... — Цзян Цинъюэ беспомощно улыбнулся. Если бы не его чувства к молодому господину... Кто может привыкнуть к такому капризному человеку? — Есть люди, которые будут пытаться манипулировать тобой, — Рен Шухан строго нахмурился. — Ты понимаешь? — Мм, — Цзян Цинъюэ послушно кивнул, после чего вернулся в свою комнату. — Спокойной ночи, молодой господин. — Подожди, — Рен Шухан прижал его к стене перед дверью и поцеловал. — Давай продолжим тренировки завтра вечером, хорошо? — ... Хорошо, спасибо, молодой господин. Рен Шухан смотрел, как Цзян Цинъюэ закрывает дверь, и по дороге в спальню коснулся его затылка. Пальцы Цзян Цинъюэ были прохладными, когда они касались его головы, но сейчас он чувствовал, что все вокруг горячее. Спектакли в последующие несколько дней были вялыми, неинтересными. Кроме того, не было ни одной гармоничной сцены, которую они могли бы снять вместе. Но, несмотря на то, что Рен Шухан жил недалеко от съемочной площадки с аст, он все равно каждый вечер приходил в комнату Цзян Цинъюэ, чтобы "попрактиковаться" в актерском мастерстве. Дождь или солнце, он был полн решимости отточить свои навыки поцелуев до совершенства. С каждой ночью его движения становились

все более разнузданными, и не раз простыни Цзян Цинъюэ оставались взъерошенными, когда он выходил из комнаты. Рен Шухан и сам чувствовал, что, возможно, это немного неуместно, но нужно быть глупцом, чтобы не воспользоваться этим. Наконец, когда почти наступило время для очередной сцены поцелуя, он сказал праведным и строгим голосом: — Играй сегодня хорошо и старайся изо всех сил. Не позволяй практике быть напрасной. — ... Хм. Цзян Цинъюэ поверил этому злодею. Несмотря на то, что съемки фильма были на полпути, отношения между двумя главными героями лишь немного продвинулись вперед. Режиссер Чэнь сказал, что этот тщательно литературный тип фильма называется "Slow Burn", и он не понимал, почему другие не могут понять этот тип медленной романтики. Цзян Цинъюэ прочитала сценарий и действительно ничего не поняла. Когда они сами ходили в школу, их школьная жизнь, конечно, не была такой скучной? — Почему она не была безвкусной? — спросила Шэнь Синхэ, сплетничая, — Это потому что Ледяной Бог был рядом? — Это еще не все, — сказал Гу Цинмэн. — Помощник Цзян тоже, наверное, выделялся из толпы в школе, верно? Раньше у тебя тоже были длинные волосы, учительнице было все равно? — В школе, где я учился, не было дресс-кода и строгости с прическами, — робко кивнула Цзян Цинъюэ. — Там даже мальчики отращивали волосы, а потом отрезали и отдавали на благотворительность, для изготовления париков. Все взгляды обратились к Рен Шухану. Ледяной Бог, должно быть, использовал свое влияние. Когда они поступили в начальную школу, Цзян Цинъюэ чуть не разрыдался, вынужденный подстричься. Рен Шухан, как всегда, заметил эту мелочь. В каждой школе, куда они ходили, он делал щедрые пожертвования, создавая благотворительный проект, позволяющий ученикам, жаждущим свободы, помогать нуждающимся в париках. Цзян Цинъюэ тоже неоднократно стригся. Но всегда оставлял достаточно волос, чтобы собрать их в привычный хвост. — Ледяной Бог тоже сильно выделялся, верно? — Шэнь Синхэ, очарованная Рен Шуханом, охотно делилась его подвигами. — Я читала, что он всегда был президентом класса и бил школьные рекорды по спорту. Разве он не гений и в учебе, и в спорте? — Моя президентская должность была обусловлена популярностью, а в учебе я преуспевал только в начальной школе, — Рен Шухан, похлопав Цзян Цинъюэ по плечу, добавил: — После перехода в среднюю школу Цинъюэ всегда был первым в классе, и это никогда не менялось. Их начальная школа была элитной. Рен Шухан с детства занимался всем, что требовалось для поступления. Французский, латынь, конное фехтование — все это он освоил заранее. Цзян Цинъюэ же был свободен в выборе занятий. Он рисовал, играл на пианино, учился аранжировке цветов и садоводству. Поэтому в начальной школе его успеваемость была обычной. Все изменилось, когда они перешли в среднюю школу. Цзян Цинъюэ погрузился в учебу, его успеваемость взлетела, и он занял первое место в городе на промежуточном экзамене. Даже родители Рен Шухана, которые редко интересовались его успехами, были поражены... — У молодого мастера тоже отличные оценки, он всегда в сотне лучших! — Цзян Цинъюэ сжал кулак, его слова звучали с гордостью. Другие присутствующие за столом переглянулись. Занять место в сотне лучших — это, конечно, хорошо, но после рассказа Цзян Цинъюэ об успехах своего друга, это уже не звучало так впечатляюще. — Молодой мастер побил множество рекордов в плавании, беге на длинные дистанции, прыжках в длину и метании копья, — продолжил Цзян Цинъюэ. — Тогда на соревнованиях присутствовали несколько учителей физкультуры из других школ. Все были в восторге от его таланта, хотели его заполучить и даже устраивали между собой настоящую схватку. — Не может быть! Правда? — Шэнь Синхэ была в восторге. — Это потому, что наша школа всегда была слаба в спорте, — Рен Шухан попытался скромничать. — Но наша средняя школа всегда участвовала в совместных соревнованиях с другими школами, — Цзян Цинъюэ не дал своему другу возможности уклониться от правды. — Молодой мастер был настолько хорош, что поднял уровень соревнований, и даже соседние школы не могли ему противостоять. — Вот это да! — Шэнь Синхэ была впечатлена. — Да, — Цзян Цинъюэ, его глаза сияли от гордости. — Что ты записываешь, директор Чэнь? — Гу Цинмэн с любопытством наблюдал за директором, который старательно что-то записывал. — Материалы о школьной жизни, — директор Чэнь обратился к Цзян Цинъюэ: — Похоже, ты прекрасно помнишь все

подробности, есть ли еще что-нибудь, чем ты мог бы поделиться? Цзян Цинъюэ замялся, не зная, что ответить. — Больше нечего вспоминать, — Рен Шухан, без выражения забрал у директора Чэня блокнот. — Поторопись и снимай свою сцену. На самом деле, воспоминаний было гораздо больше. В отсутствие Рен Шухана Цзян Цинъюэ предпочитал уединение и учебу, поэтому у него было немного друзей. Он не знал, был ли он рано созревшим или поздно, но только в старшей школе он начал испытывать жажду любви. В его памяти всплывали бесчисленные образы Рен Шухана, самые яркие — с поля спортивных игр. Мальчик, выглядевший особенно красивым, когда с силой метал копье, его мышцы напрягались. Мальчик, откидывающий назад короткие волосы, выходя из воды, по телу которого стекали маленькие капельки. Мальчик, мчащийся к финишу, разрывающий ленточку, его подхватывали и подбрасывали в воздух товарищи по команде... Он всегда оглядывался, потом находил Цзян Цинъюэ в толпе и улыбался ему. Он пил только из его бутылки с водой. Он приходил к нему после уроков, чтобы задать вопросы. Он предлагал помочь с уборкой, выносил за ним мусор, протирал парту и стулья. Он предлагал ему один из своих наушников, когда они слушали музыку. Когда они отправлялись на прогулку с одноклассниками, он всегда оставлял заднее сиденье своего велосипеда для Цзян Цинъюэ. Он нес его школьную сумку, готовил для него еду. Когда он ходил с друзьями в караоке, он следил, чтобы у Цзян Цинъюэ было достаточно еды, а сам играл на инструментах. Он пел только для Цзян Цинъюэ. Если бы Рен Шухан услышал его мысли, он, скорее всего, сказал бы: "Глупый, ты действительно немного опоздал". Если бы не то, что ты мне нравишься, зачем мне сидеть за тобой и дергать тебя за хвост в одиночку?

<http://bllate.org/book/12479/1111584>